

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ: НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ

Останин В.А., д.э.н., профессор кафедры финансов и кредита ДВФУ (Владивосток);
Рожков Ю.В., д.э.н., профессор кафедры банковского дела ХГАЭП (Хабаровск)

Обсуждаются причины и последствия девиантного поведения должностных лиц российских государственных органов управления. Даются практические рекомендации по снижению рисков девиантного поведения указанных функционеров.

Ключевые слова: должностные лица, девиантное поведение, страх, опасность, риск.

На фоне усилий правительства РФ по формированию системы, ориентированной на улучшение качества оказываемых государством услуг, особую актуальность приобрели проблемы повышения эффективности деятельности органов государственной власти. Общество сотрясают скандалы, связанные с девиантным поведением, откровенным казнокрадством чиновников разного уровня, вплоть до лиц самого высокого ранга. В таких условиях ставить задачи повышения темпов социально-экономического развития нереалистично. Следовательно необходимо разработать и внедрить механизмы, которые будут способствовать усилению управляемости и эффективности деятельности органов управления государством.

В качестве исходных постулатов для теоретического осмысления проблем повышения эффективности деятельности системы государственных органов управления мы выделяем следующие положения:

- рынок, существующий как система экономических и социальных обменов, предполагает наличие абстрактного доверия к самой системе, её важнейшим институтам и субъектам;
- абсолютно все уровни человеческой деятельности, все «этажи» социальной организации, любого социального института, включая деятельность системы государственных органов управления, пронизаны опасностями и рисками;
- результаты исследований виднейших учёных с мировым именем, в частности, работы Дж. фон Неймана, дают основания полагать, что в построении большинства моделей управления системами основными генераторами риска являются не природно-климатические факторы, а сам человек;
- в рамках российского государства не предпринято пока достаточно усилий для повышения эффективности процесса формирования прозрачных и справедливых экономических отношений и правил в социальной среде в целом, а также в её важнейших государственных институтах;
- институциональная теория, оперирующая такими важнейшими категориями, как «теория формальных и неформальных правил», определяющих поведение экономических индивидов, оказалась уже не в состоянии теоретически объяснить всё нарастающий спектр форм взаимоотношений экономических агентов, структур в границах национальной экономики.

Многочисленные факты социально-экономического бытия, которые демонстрируют отсутствие в масштабах государства доминирования современных эффективных принципов государственного, муниципального и корпоративного менеджмента. Следует признать, что российское общество и его частные и государственные институты пронизаны онтологическими противоречиями – это противоречия самого бытия общества, института, структуры, наконец, индивидов. В последнем случае неопределённость обычно воспринимается в виде опасности с её крайней формой – страхом (фобией) или как медианное состояние – тревога.

Неопределённость, осознаваемая и оцениваемая количественно, именуется риском (измеримая вероятность, по Ф. Найту, в отличие от принципиально неизмеримой неопределённости [1, с. 8]. Конечно, обществу хотелось бы, говоря словами Г. Галилея, «... измерять то, что измеримо, и делать измеримым то, что таковым не является» [2, с. 14], однако сегодня

это несбыточно – слишком велика погрешность многих измерений неопределённостей.

Объект и субъект управления всегда находятся в единстве рассмотрения. Если не проводить жёсткой разграничительной линии между этими двумя общепhilosophическими категориями, то это развивающуюся объектно-субъектную форму можно представить уже как причину самой себя (*causa sui* – по терминологии Б. Спинозы), которая способна генерировать требования к самому субъекту своего развития и управления. Объект управления как процедуры, приёмы управления, ценности, которые при этом преследуются и реально достигаются, уже можно представить как субстанцию-субъект, или процессуальное противоречие.

Важное обстоятельство, которое следует учитывать в практике менеджмента: все усилия по разрешению противоречия даже при достижении положительного эффекта не приводят к исчезновению самого предметного противоречия [3]. Однако менеджмент, который не разрешает противоречия, может накапливать массу остроты без изменения его качества. То есть происходит накопление объёма проблем, но не разнообразия и форм их проявления. Разрешение же противоречия приводит к формированию качественно иной природы и самого объекта, и менеджмента.

Новая природа объекта управления требует нового качества процесса управления, и изменяющийся менеджмент должен реагировать на потребности изменяющейся природы самого объекта. Разрешение противоречия приводит к усложнению, а не упрощению системы, и здесь проявляется закон развития систем.

Мы подчёркиваем: познавая мир социально-экономического, политического, институционального бытия, индивиды порождают всё новые неопределённости самого бытия, в том числе те, которые могут быть отнесены к категории «риск». Нарастая в процессе жизнедеятельности неопределённость, человек неизбежно воспроизводит и риски, вероятность, масса и виды которых постоянно мутируют. Причём несмотря на колоссальный прирост человеческого знания, индивид не в состоянии уменьшить неопределённость даже в той части, которая понимается и оценивается количественно.

Здесь мы можем увидеть форму проявления парадокса познания, сформулированного ещё древними греками: чем больше человек познаёт мир, тем в большей степени он понимает ограниченность своего знания. Только познавший мир Сократ мог произнести, что он знает, что он ничего не знает. В сегодняшних философских подходах прослеживается также осознание нашей зависимости от природы. Е.Н. Фетисова отмечает: «... независимость человека от природы оказалась иллюзорной. ... в процессе обособления человека от природы зависимость его от неё не ослабевала, а наоборот, возрастала» [4, с. 8].

Исходя из вышеизложенного, сделаем ещё один важный для теории менеджмента вывод: человеческая деятельность постоянно насыщается страхами, опасностями и рисками, которые мы рассматриваем как философскую триаду, существующую и изучаемую в единой системе [5]. Более того, неопределённость и мутация рисков в сфере экономики генерируют риски социальные, политические, экологические, и все они трансформируются в глобальные риски. Последние особенно опасны и по скорости нарастания и по последствиям для сферы геофинансов [6].

Безусловно, в некотором исходном основании большинство рисков, изучаемых самой наукой «менеджмент», находятся в сфере управления субъекта, то есть, базируются в человеческом материале. Индивид был и будет оставаться основным генератором всех рисков. То, что не попадает в поле воздействия механизмов управления (в силу отсутствия ресурса или иных объективных факторов для самого разрешения противоречия как самого объекта, так и его субъектно-объектных взаимосвязей), уже нельзя, как мы отметили выше, отнести к категории «риск». Такую ситуацию мы связываем с возникновением неопределённого массива элементов, формирующих принципиально неуправляемую среду, которую можно охарактеризовать как судьбу (*fatum*), а также связанным с ней понятием «рок». Английский социолог Э. Гидденс прав, подчёркивая: «... понятия рока и судьбы не исчезают полностью из жизни современного общества, и исследование их природы имеет определённый смысл для анализа категорий современности и самоидентичности» [7, р. 109].

Итак, сама природа риска гораздо богаче, чем она представляется в современной научной и учебной литературе, обычно оперирующей единственным понятием «вероятность». К примеру, метод анализа рисков с использованием метода имитационного моделирования «Монте-Карло» представляет собой сочетание методов анализа чувствительности и анализа сценариев на базе теории вероятностей. Риск, понимаемый как вероятность, больше ассоциируется с ситуацией, когда на вопрос: «что это такое?» следует ответ: «это столько, сколько этого есть».

Определённой новацией в современной теории риска можно рассмотреть риск как особой формы развития самого общества и природы. То, что человек прежде не осознавал, становится доступным для понимания, осознания, выработки и накопления ресурсов для управления. Риск по своей природе следует рассматривать как модель логической конъюнкции самой опасности, её количественной оценки в виде вероятности, массы риска [5, с. 184] и предполагаемых материальных и духовно-нравственных ресурсов, включая в качестве важнейшего фактора человеческую волю, как одно из основополагающих качеств человеческой личности [8, с. 184]. Отсутствие хотя бы одной составляющей превращает ситуацию в неопределённость как по содержанию, так и по способам и возможностям воздействия на среду.

Разрешение противоречий в результате стихийного действия масс имело объективный характер. Однако человек здесь выступал не хозяином своей судьбы, не субъектом, а, скорее, объектом в игре слепых сил природы, ибо не понимал ни масштабы опасностей, ни их глубинную природу, хотя потребность влияния на ход развития событий в своих интересах у человека была всегда. Спасительным инструментарием и механизмом служила выработанная привычка принимать решения на основе опыта, закрепляемого в виде набора норм, правил поведения в определённых ситуациях. Если ситуация не укладывалась в привычные рамки, индивиды действовали «на авось», всецело полагаясь на удачу (судьбу, провидение, наконец, надеясь на заговоры, амулеты или обращение к богам). Это весьма спонтанное, эмоциональное отношение к процессу управления опасностями закреплялось и регламентировалось. Сам же риск приобретал тот или иной концепт (например, риск как опасность или вероятность) и такое его восприятие сохраняется поныне. Самой большой новацией следует считать рассмотрение управления уже не в качестве управления человеческим капиталом или потенциалом (вроде управления факторами производства), но и как управление риском. Сам риск стал рассматриваться (вспомним работы У. Бека, Дж. Ритцера, Н. Лумана, Э. Гидденса, П. Штомпки) как особая стадия развития общества, которая постоянно связана с кризисом модернизации [9, с. 8], когда производство товаров и услуг не только сопровождается, но и вытесняется производством риска.

Следовательно, задолго до того, как теоретики предложили модель институционализма, люди руководствовались институтом как формой разрешения предметных противоречий, принимая управленческие решения на основе традиций, обычаев, норм, законов и иных установлений. Современный ренессанс институционализма вызван скорее противоречиями от усложнения самого института менеджмента и объектно-субъектных отношений, следствием чего стали нарастающая неопределённость бытия, рост массы риска, усложнение процедур управления и повышение требований к квалификации и опыту лиц, принимающих решения. Мы видим некое возвращение по спирали развития в теории и практике управления, хотя наука никогда не отказывалась от практики института. К этому человечество подталкивал и печальный опыт реализации волюнтаристических решений, особенно в разрешении противоречий социально-экономических систем. Ни одно бедствие, которое можно было бы считать результатом реального события, не сравнится по своим масштабам с тем уроном, какой нанесли социуму «не по разуму старательные» политики, заявившие о революционном преобразовании мира для достижения всеобщего блага.

Современная модель институционализма, которую именуют ещё новой институциональной теорией» или неоинституционализмом, добавляет к анализу новые моменты, которые в прежней модели институционализма рассматривались как экстерналии [10]. Контрактные агентские отношения, наряду с такими фундаментальными категориями как права собствен-

ности, трансакционные издержки могут послужить теоретическим основанием для построения моделей поведения в усложнившихся условиях управления любых государственных контролирующих органов, для которых характерен рост массы рисков самого управления. Тем самым современная модель институционализма выполняет свою прагматическую функцию – вооружает менеджеров-практиков инструментами и механизмами реализации управленческих решений. Именно так следует понимать сакральную фразу Д. Норта: «Институты имеют значение» (*institutions matter*).

Указанная теория, полагаем, позволит предложить реальному государственному менеджменту методы, способные снизить издержки оппортунистического поведения должностных лиц, принимающих значимые управленческие решения. О. Уильямсон характеризует оппортунизм как «... преследование личного интереса с использованием коварства. Подобное поведение включает такие его более явные формы, как ложь, воровство и мошенничество, но едва ли ограничивается ими. Намного чаще под оппортунизмом подразумеваются более тонкие формы обмана ...» [11, с. 97].

В рамках неоинституционализма любой орган государственного управления рассматривается как сложная и противоречивая система явных и скрытых (неявных) контрактов, на основе которых и реализуется сама суть контрактного подхода. Понять характер поведения должностных лиц государственных органов управления вполне возможно, применяя накопленный экономической теорией набор методологических подходов и методического инструментария. Прежняя модель институционализма рассматривала любую экономическую структуру как экономического агента, который максимизировал свою полезность, абстрагируясь от трансакционных издержек, неурегулированности прав собственности и мог попрасть общественные ожидания в силу нечётности контрактного установления либо отсутствия ответственности за принимаемые решения.

Институциональный подход к анализу эффективности государственных органов контроля и управления позволит не только экономить на издержках самого процесса управления, которые следует в этом случае относить к трансакционным, но и преодолеть, трудности и противоречия, не преодолимые при опоре на традиционные методы и приёмы государственного менеджмента.

Неоинституционализм в качестве теоретического основания исходит из постулатов «методологического индивидуализма», анализирующего поведение не абстрактной фирмы или органа управления, а конкретного индивида, физического лица, принимающее решение, либо лица, реагирующего на принятое управленческое решение.

Согласно неоинституциональному подходу, ни один экономический агент не может обеспечить достижение предельной эффективности в ситуации неполноты информации и противоречивости интересов, создающих базу для конфликта. Само знание лицом, принимающим решение, объективной возможности неполной информации, создаёт предпосылки для оппортунистического поведения. Противоположная сторона, не располагая полным знанием ситуации, также объективно лишена возможности реализовать решения, основанные на рациональности. В результате моделируется ситуация, когда одно и то же решение будет рассматриваться как риск для одной стороны и шанс для другой, а количественная оценка риска как вероятности наступления случайного события и количественная оценка вероятности шанса того же события будет равна единице. Величина риска (и одновременно шанса) уже не будет определяться исключительно вероятностью, но должна в соответствии с концептом, изложенным выше, включать опасность для одного и выигрыш для другого в соизмеримых конфигурациях, в том числе в стоимостной форме. Это соотношение последствий нежелательных и благоприятных в части как вероятности, так и полезности или ущерба, то есть полезности с обратным знаком, будет формировать доминирующую стратегию поведения, если оценивать возможные исходы с позиции теории игр.

К примеру, таможенный орган, контролирующий действия должностного лица данной структуры, представляется в подобных моделях не как самостоятельно существующий орган, а как лицо, индивид, реализующий противоположные интересы, который может вести себя

оппортунистически, обеспечивая тем самым свой корыстный частный интерес. Сама организация (например, таможенный орган в форме таможенного поста, таможня, региональное таможенное управление или вся федеральная таможенная система РФ) представляется «чёрным ящиком», внутренняя структура которого неизвестна или неважна в рамках стоящих задач, но о функциях которого можно судить по его реакциям на внешнее воздействие.

Проблема повышения эффективности государственных контроля и управления за счёт снижения коррупционности должностных лиц в результате их оппортунистического поведения усугубляется тем, что склонное к нарушению контракта должностное лицо не раскрывает свои истинные намерения, более того, оно их модифицирует, прибегая к различного рода симулякрам – знакам ложного подобия. И если до известного периода, который определяется именно соотношением риска и шанса, будет находиться в поле следования контракта, то в зависимости от склонности лица к нарушениям, эта ситуация может значительным образом меняться.

Страх, который формирует дискомфортное душевное состояние, может преодолеваться ожиданием удачи, то есть шанса. Но и на страх, и на удачу влияние оказывает вероятность обнаружения события, а также сама величина полезности или ущерба. При этом следует принимать во внимание результат вывода Д. Бернулли о том, что рациональное поведение человека максимизирует не ожидаемый денежный выигрыш, а удовлетворение от этого выигрыша. То есть, потребитель руководствуется не «математическим ожиданием», а именно «моральным ожиданием» успеха, когда вероятность взвешивается по полезности дохода, зависящей, в свою очередь, от его абсолютного уровня [12]. Как видим, опасность, ущерб, или полезность с обратным знаком оказывает большее влияние на модель поведения, чем вероятность наступления самого случайного события. В крайних своих формах такое состояние с низкой вероятностью обнаружения оппортунистического поведения должностного лица и минимального размера его материальной ответственности приводит это лицо к модели поведения, которое О. Уильямсон определил как «преследование личного интереса с использованием коварства». Последнее включает все доступные формы обмана, фальсификации, подлога, финансового мошенничества и др.

Описать оппортунистическое поведение прежняя классическая экономическая школа была не в состоянии, она не располагала необходимым для этого методологическим подходом и методическим инструментарием. В результате девиантного поведения высших чиновников только в российской армии в 2011 году ущерб от коррупционных преступлений превысил 3 млрд рублей. Главный военный прокурор РФ С. Фридинский заявил, что в течение года было выявлено 250 взяточников, что гораздо больше, чем в 2010 году [13].

Модель неоинституционализма, принимающая теорию явных и неявных контрактов, позволяет предложить модели, которые в определённой степени могли бы разрешить противоречия и конфликты интересов. Например, повысить риски выявления случаев нарушения контракта добросовестного следованию установленным нормам и правилам при реализации функций должностного лица. Руководствуясь взглядами Д. Бернулли, для этого следует резко, в разы увеличить меру ответственности за нарушения явного контракта, то есть демонстративного открытого нарушения норм и правил, что как раз и определяет состояние коварства.

Второе направление связано с реализацией превентивных мероприятий при подборе кадров. Как при приёме на работу в качестве водителя автомобиля обязательна проверка документов, его состояния здоровья, прежнего опыта работы, квалификации, так должна быть нормой более тщательная проверка профессиональной пригодности к осуществлению операций с денежными суммами, национальным богатством страны.

Но если «внешние» данные индивида, претендующего на занятие коррупционно нагруженной должности, довольно легко проверяются, то этические, нравственные характеристики для работодателя не ясны. Работник оценивается работодателем, как будущий кандидат на занятие должности с позиций многих характеристик, по тем или иным критериям, и вовсе не в сопоставлении с неким идеалом.

Следует ввести в практику изучение и анализ характеристик кандидата на должность в органах государственного управления и контроля на основе опыта, уже наработанного в некоторых государственных структурах. Наряду с изучением профессиональных качеств, компетенций, как синтеза знаний и умений, следует оценить вероятность отклоняющегося поведения, известного в психиатрии и социологии как девиантное. Причём не следует сужать области, традиционно относимые к девиантному поведению (наркомания, склонность к суициду, алкоголизму, самобичеванию), нужно учитывать и склонности к накоплению и присвоению.

Неуёмная, вызванная психическими расстройствами тяга, может принимать, например, форму «булимии». Но несоразмерное со своим вкладом влечение к богатству точно также есть психическое отклонение, которое можно назвать плутомией (др.-греч. *πλοῦτος* – богатство, *limós* – голод).

Риски девиантного поведения могут быть снижены тем образом, что изменится сама процедура изучения кандидатов, которые претендуют на ответственные должности в государственных органах. Должен быть выработан и принят новый порядок, на основе которого будут оформляться явные контракты, то есть формироваться сам институт органов государственного правления.

Литература

1. Найт Ф. Риск, неопределённость и прибыль. М. : «Дело», 2003. 320 с.
2. Кузнецов В.И., Идлис Т.М., Гутина В.И. Естествознание. М. : Агар, 1996. 384 с.
3. Вьяккерев Ф.Ф. Философия конфликта. Философские основания конфликтологии. Монография. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 82 с.
4. Фетисова Е.Н. Эволюция философских представлений о природе. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2006. 60 с.
5. Останин В.А., Плесовских Ю.Г., Рожков Ю.В. Триада «Страх-Опасность-Риск» и экономическая безопасность предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2012. № 2. С. 181–185.
6. Рожков Ю.В., Чёрная И.П. Инновационный вектор развития геофинансов эпохи постглобализации // Безопасность Евразии. 2012. № 2. 263–271.
7. Giddens A. Fate, Risk and Security. In: A. Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991, p. 109–143.
8. Останин В.А. Воля в структуре смысла. Владивосток : ВФ РТА, 2005. 148 с.
9. Колесникова Т.А. Антикризисное управление обществом риска : синергетическая концепция. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 176 с.
10. Институциональная экономика : новая институциональная экономическая теория : учебник / под общей ред. А.А. Аузана. М. : ИНФРА-М, 2006. 416 с.
11. Уильямсон О. Экономические институты капитализма : фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб. : Лениздат; GEV Press, 1996. 702 с.
12. Бернулли Д. Опыт новой теории измерения жребия. В кн. : Теория потребительского поведения и спроса / под ред. В.М. Гальперина. СПб. : Экономическая школа, 1993. С. 11–27.
13. Lenta.Ru [сайт]. Военный прокурор назвал воровство в Минобороны «космическим». URL: <http://lenta.ru/news/2012/01/11/corruptmil> (дата обращения: 26.02.2013).